

Две выставки в Русском музее

Испанец Маноло Вальдес – веселая выставка!

Во-первых,ходишь в дворик Мраморного дворца и видишь: там выстроились бронзовые дамы в кринолинах. Разных размеров. И улыбнешься, потому что в следующую секунду поймешь, что это всего одна дама – размноженная. Нет, две, чуть разнящиеся – фасоном рукавов. Они кажутся знакомыми – вертикаль стана, горизонталь кринолина – да, это менины, юные придворные дамы Веласкеса не сочли зазорным постоять – или их и не спросили – при дворце, подаренном любовнику Екатериной II.

Во-вторых, заглянув в зал, первое, что видишь, это даму с веером – как бы нежнейший акварельный портрет, но – размером примерно два с половиной на два метра. И почему-то смотрится не как пластическая нелепость – вроде того брендмауэра, на котором нанесли изображение, уместное в альбоме, – а вполне убедительно. Подходишь ближе и обнаруживаешь: это вовсе не живопись, а черт знает что – неровно обрезанная, висящая складками, кое-как наклеенная, кое-как, разноцветными нитками, грубыми мужскими стежками сшитая дерюга. Краска в некоторых местах есть, но ее не кисточкой наносили, а похоже, кидали лопатой, как-то прикрепляли – килограммами. (То-то вздохнут наши художники, долго думающие, прежде чем позволить себе купить тюбик). Дальше видишь: гигантский веер – синий, бархатный, эту нежную бархатистость ощущаешь – приближаешься – его пластинки оказываются покрашенными занозистыми деревянными рейками. Тайна превращения грубого – в изысканно-нежное. Дальше – флакон, фарфоровый кувшин, лимоны, мороженное в трубочке, тюльпаны в вазе – «дух мелочей, прелестных» – и все это примерно двухметрового размера: вот уж поговорят о поп-арте. Версии знакомых картин, преимущественно испанских – Веласкес, Гойя, Пикассо (что за живописная страна – Испания!), и еще Матисс – то-то поговорят о постмодернизме. Но не в том дело: картины 1990-х – 2000-х, многие 2007-ого года. И при этом – очень красивые. Современная выставка – и тебя не сводят с ума скукой и безобразием. А какой веселый, судя по фотографии, человек все это сделал! Приходите смотреть, репродукции этого не передадут, не будет ни масштаба,

ни фактуры – там это рискует перетечь в нечто иное, иногда почти в гламур. Лица дам, там, где они прорисованы, надо признать, банальны.

А в корпусе Бенуа – выставка грустная. Николай Суетин и Вера Ермолаева. Суетин – это Суетин, из всех учеников Малевича самый похожий на учителя. Супрематический фарфор. Супрематический гроб учителю и его супрематические похороны. А Ермолаева – самая независимая, самая непокорная. Крупная, мощная женщина с парализованными ногами – упала в детстве с лошади, передвигалась на костылях. Возиться с красками, таскать мольберт было тяжело – работала гуашью. Если у Маноло Вальдеса – изящные пустяки, камерные работы двух с половиной метров, то у Ермолаевой маленькие гуаши – обобщенные фигуры, бабы – монументальны, наполнены необычайной энергией. И восхищение Вальдесом гаснет, кажется легкомысленным. Да, ей пристало иллюстрировать «О природе вещей» Тита Кара Лукреция. И в ее Дон Кихоте подчеркнута не худоба и фантастичность, а реальная сила – вполне способен сокрушить мельницу. Ермолаеву арестовали в 1934 г. и за дело: она, видите ли, устраивала у себя на дому «просмотры близких по духу художников». Ну, и мать – урожденная баронесса Унгерн.

Еще недавно последнее, что было известно о художнице – ее с другими заключенными посадили на баржу, отплывшую в Аральское море. Помниться, в книге «Авангард, остановленный на бегу», вышедшей в 1989 г. это как-то поэтически обыграно. Потом писатель Семен Ласкин посредством медиумов пообщался с ее духом и написал на этом материале роман – «Роман со странностями». Хотя выяснилось, что он еще и в архив ФСБ обращался. Наконец этой темой занялась искусствовед А. Заинковская и послала запрос в Караганду. Ответили: Ермолаева расстреляна в 1937 г. Конечно, в 1956 г. репрессии осудили, тем не менее, за 71 год работы Ермолаевой (самой любимой, почитаемой местными художниками из учеников Малевича), можно было увидеть единственный раз – в 1972 г. в ЛОСХе, на выставке, устроенной Евгением Ковтуном, но, как понимаете, без рекламы и каталога, видели немногие. Суетин умер своей смертью в 1954 г., и вот его первая выставка. А все пишут: Русский авангард, Русский авангард, «наш главный или единственный

бренд». На выставке грустно, потому что многое (с поправкой таланта) я как будто видела, но сделанным другими и не так давно. Не в виде реплик, как Гойя у Вальдеса, а снова, еще раз делают тоже самое. Ведь они не могли работать с учетом того, что все было сделано полвека назад. Искусство остается не пережитым, не переваренным – значит обреченным на повторы.